терны именно и только для прошлого России в отличие от Франции, например, где всегда господствовали просвещение и цивилизация.

Новиков писал, что «русские французы» — галломаны станут, может быть, вслед за «клеветой А.** де Ш.** пересмехать суеверие и простоту, или по их глупость, наших праотцев: но одни ли россияне подвержены были сему пороку? Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея: тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали».

Занимая откровенно патриотические позиции, Новиков чужд шовинизма: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными».[46]

В следующем 1774 г. Новиков выступил с пространными возражениями исторической концепции Шаппа и других французских историков России. В журнале «Кошелек» созданный им сатирический персонаж «французского защитника» подробно развивает точку зрения французских историков на Россию как на страну варварства, дикости и торжества суеверий. Этот поклонник и защитник французов издевается над попыткой Новикова продемонстрировать древние «российские добродетели», определявшие «великость духа» русских людей прошлого, изданием исторических документов. Отвергая новиковские взгляды на русскую историю, он откровенно ссылается на мнения и авторитет французских историков. Он пишет, что эти так называемые добродетели «от просвещенных людей именуются ныне варварством». При этом он делает ссылку на этих «просвещенных людей»: «О сем, если вы любопытства имеете побольше наших прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абеде Ш... и других подобных ему беспристрастных писателях о России: но я всех их не могу упомнить».[47]

Нет сомнения, что в числе этих «беспристрастных писателей о России» имеется в виду и Вольтер со своей «Историей России при Петре Великом». Отвечать на эти сочинения французских авторов и призывал Новиков. Его ответом и являлось издание «Древней российской вивлиофики»: подлинные исторические документы должны были опровергать измышления и «клеветы» этих историков.

В «Кошельке» наиболее развернуто был поставлен вопрос о русском национальном характере. Прежде всего Новиков возражает тем французским историкам, которые считали, что «рос-

[46] Там же.
[47] Там же, с. 87.